

Лоран Гарнье — «Газете»

«Вечером каждый хочет потанцевать»

Лоран Гарнье — отец французской танцевальной музыки — презентовал в Москве свою книгу «Электрошок» о становлении эпохи техно в Европе, а заодно отыграл два праздничных хеллоуинских сета в столичных клубах. В перерыве между выступлениями со знаменитым ди-джем, продюсером и писателем пообщалась Ася Фишер.

Лоран, когда вы решили написать книгу?

Я не решал. У меня дома был ужин, на который я пригласил мою приятельницу — издателя. Мы начали говорить о наших приключениях, о путешествиях, стали что-то вспоминать. И тогда она сказала: «Тебе же книгу надо писать, ты столько можешь рассказать! Ты уже так долго на сцене, пятнадцать лет живешь в этой музыке, столько людей встречал... Давай!» Поначалу я говорил «нет», а она устроила специальное совещание в издательстве, где работает, и всех своих коллег спросила, было бы им это интересно. Они ответили «да». Потом она вернулась ко мне и сказала: «А вот теперь я серьезно». Я начал размышлять, много совещался с друзьями, и эта идея запала мне в голову. «Ладно, мы сделаем это, — решил я в конце концов, — но надо понять, какой будет форма изложения». Я хотел говорить о страсти, об эмоциях, а не создавать нечто сложное, полное утомительных перечней имен и фамилий: это должна была быть не энциклопедия техно и не автобиография. Я здесь как рассказчик, который ведет читателя за руку и знакомит его с эпохой. «Электрошок» — книга о прошлом.

А как вы работали? Уединились где-то в тихом месте и сидели каждый день ни свет ни заря за стол?

Нет, это было совершенно другому. Когда мы с девушкой из издательства решили, что пора писать книгу, то задались вопросом: кто будет делать ее со мной? У меня же нет времени. Посмотрите, на книге стоит два имени. Выбор наш пал на журналиста, моего приятеля. Главное, что он не имел никакого отношения к техно-бизнесу. У него не было никакого мнения о нем. Решение, что будем работать с Давидом Брен-Ламбером, было принято, и после этого он два года еженедельно ездил ко мне в гости. Шесть месяцев мы обсуждали основную историю, и таким образом был создан «скелет» книги. Потом мы уже сосредоточились на отдельных темах. Давид интервьюировал меня по три-четыре часа. Он контролировал меня, говорил: «Хорошо, в эти выходные ты можешь уехать, а на следующей неделе я хочу поговорить с тобой об этом, об этом и о том». Он давал мне задание, а я погружался в воспоминания, проверял факты... Представляете, я играл ди-джейские сеты и в перерывах корпел над бумагами. Писал, а иногда еще и проверял то, что Давид написал неделей раньше.

Вас не утомили два года жесткой дисциплины?

(Улыбается.) Это было забавно. Когда ты в течение двух лет

даешь одно интервью, это превращается в психотерапию. Иногда мы говорили о техно, а иногда уходили намного дальше: пытались выяснить, почему это вызывает во мне страсть, что за сила заставила меня заняться этим, почему я мечтал о ди-джействе еще в 12 лет. Наши беседы стали очень глубокими. Иногда, конечно, я уставал, но это было великолепно. А с Давидом мы сейчас стали очень близкими друзьями. Мы столько знаем друг о друге!

У вас в книге появляются другие звезды французской

электроники? Air или Daft Punk, например?

Но играете вы техно...

Я играю музыку. Я играю не просто и не только техно. Вчера ночью я ставил The Doors, Cure, Nirvana, драм-н-бейс, техно-хаус, вокальный джаз. Я не считаю себя техно-ди-джем, я играю музыку! Я выступал на многих джаз-фестивалях, к тому же этим летом во Франции был очень мощный рок-фестиваль на 70 тысяч человек. Дело в том, что техно сейчас

это правда. Но если сегодня нет ничего такого, что мы могли бы определить как «суперавангард», — плевать! Главное, чтобы было качество.

Танцевальная музыка, в частности техно, нередко оказывается переработкой открытого до него материала.

Ну уж нет. Хип-хоп в этом смысле гораздо более вторичен. Техно сегодня — это определенно не переделывание и сэмплирование. Мы вообще больше сэмплами не пользуемся, это давным-давно ушло в прошлое: каждый

свои песни, ну типа фанк, диско и прочее дерьмо. Но это было нормой, это был год 87—88-й. Тогда техно мало где играли. Началось все в Англии, а оттуда расплылось постепенно по всему миру.

Зато сегодня техно остается самой модной музыкой.

Я не в игре, я — не участник движения. Я обожаю музыку, и мне все равно, насколько это модно. Некоторые люди откровенно признаются: «Я слушаю техно, потому что это круто». Сейчас появилось много ди-джеев, которые занимаются этим только потому, что это круто. Им совершенно точно пора сменить работу. Ты не крутишь пластинки потому, что это клево, ты этим занимаешься потому, что есть чем поделиться с людьми.

Но многие просто ходят тусоваться каждые выходные, и их не очень-то интересует именно ваша история.

Многие люди ходят в кино, чтобы провести два часа и посмотреть очередной голливудский блокбастер, их не интересует кино как искусство. Здесь то же самое. Да, некоторые люди просто идут тусоваться, их не интересует техно. Но это нормально, клубы для того и сделаны. Просто такие люди никогда не придут специально на ди-джея. Кстати, мне кажется, что здесь на вечеринке таких не было. В Москве, видимо, тусовщики ходят в более дорогие заведения: хотя бы весело провести время, с девушками познакомиться, да и пускай. Бывает два типа клубов. Одни — коммерческие, другие — музыкальные. Во вторых собираются люди, которые любят музыку, и я, как правило, играю в таких. Остальное мне неинтересно. Недавно в Италии я играл в одном заведении. Я зашел туда, увидел публику и сразу понял, что совершил большую ошибку. Они были в бешенстве от моего сета, через полчаса танцпол наполовину опустел. Им было скучно. Но это в порядке вещей. Я знаю, почему так происходит, и просто не вернусь в тот клуб.

Вы уже в третий раз в Москве...

Мне безумно нравится здешняя публика. Они такие открытые, с такой мощной отдачей, такие счастливые! Вчера улыбки до ушей были, никто ни на что не жаловался — я играл дип-хаус, жесткое техно, рок, и все отлично проводили время! Обычно начинаешь играть, а к тебе поднимаются на сцену и нашептывают на ухо: играй жестче, играй мягче, сыграй то, поставь это. А здесь люди просто танцевали и кайфовали. Отличная у вас тут тусовка.

стало общепринятым музыкальным направлением. Оно проникает в другие стили — так же как джаз, например, просачивается в техно. Техно — это четкая территория на карте музыкального мира, но я живу далеко не только на ней.

Да, есть и про тех, и про других. Я ребят из Daft Punk очень хорошо знаю: когда Тома жил во Франции, мы с ним дружили. В книге много о том, кто эти люди, как они начали работать.

Все смешивается, и исчезает самая продвинутая музыка, авангард. Вас это не огорчает?

Да мне все равно. Что меня действительно волнует, так это качество музыки. Вот я, например, в четверг играл во Франкфурте, а ведь Германия — это страна, где наиболее развито техно, где оно футуристичное, точное, minimal music, как они говорят. Пришли все эти дети, которые слушают исключительно техно, а все остальное для них — скукота или прошлый век. Знаете, я получил огромное удовольствие, играя старые треки, которые когда-то были очень даже minimal, но которые и сегодня звучат необыкновенно свежо. И все эти ребята стали подходить ко мне и спрашивать: «Ой, а что это за запись?» Я просто хотел доказать им, что они не правы, что они сами свой мир ограничивают, и это большая ошибка. Если говорить об авангарде, то он способен двигать музыку вперед —

делает собственную музыку. Иногда бывают всякие тонкости с битом: я повторяю его, и у людей возникает ощущение, будто они слушали его прежде. Но вот человек в конце дня решает послушать любимую рок-группу, и она звучит так же, как двадцать лет назад. Утверждение, что рок сегодня вновь стал самым продвинутым, абсолютно неверно. У рокеров, конечно, качество стало лучше, но нового ничего не появилось.

Во Франции действительно ничего не было, когда вы начали играть?
Да, не было ничего. Во всех клубах ставили идиотские весе-

делает собственную музыку. Иногда бывают всякие тонкости с битом: я повторяю его, и у людей возникает ощущение, будто они слушали его прежде. Но вот человек в конце дня решает послушать любимую рок-группу, и она звучит так же, как двадцать лет назад. Утверждение, что рок сегодня вновь стал самым продвинутым, абсолютно неверно. У рокеров, конечно, качество стало лучше, но нового ничего не появилось.

Во Франции действительно ничего не было, когда вы начали играть?

Да, не было ничего. Во всех клубах ставили идиотские весе-

Шоковая терапия

Лорана Гарнье небезосновательно называют крестным отцом французской электроники. Он появился на свет в 1966 году в пригороде Парижа. С шестнадцати лет Лоран ходил по диско-клубам, со временем стал заниматься программированием и мечтать о карьере ди-джея. Работал в легендарном манчестерском клубе Hacienda, потом переехал в Нью-Йорк, где приобщился к хаус-музыке, накупил пластинок и решил вернуться в Париж. Там буквально за пару месяцев он стал самым востребованным ди-джем города. В 1994-м выпустил дебютный альбом и создал вместе с Эриком Морандом собственный рекорд-лейбл, на котором записывались St. Germain, Alexkid, Mr. Oizo и многие другие. Автор книги «Электрошок».

Гарнье Лоран